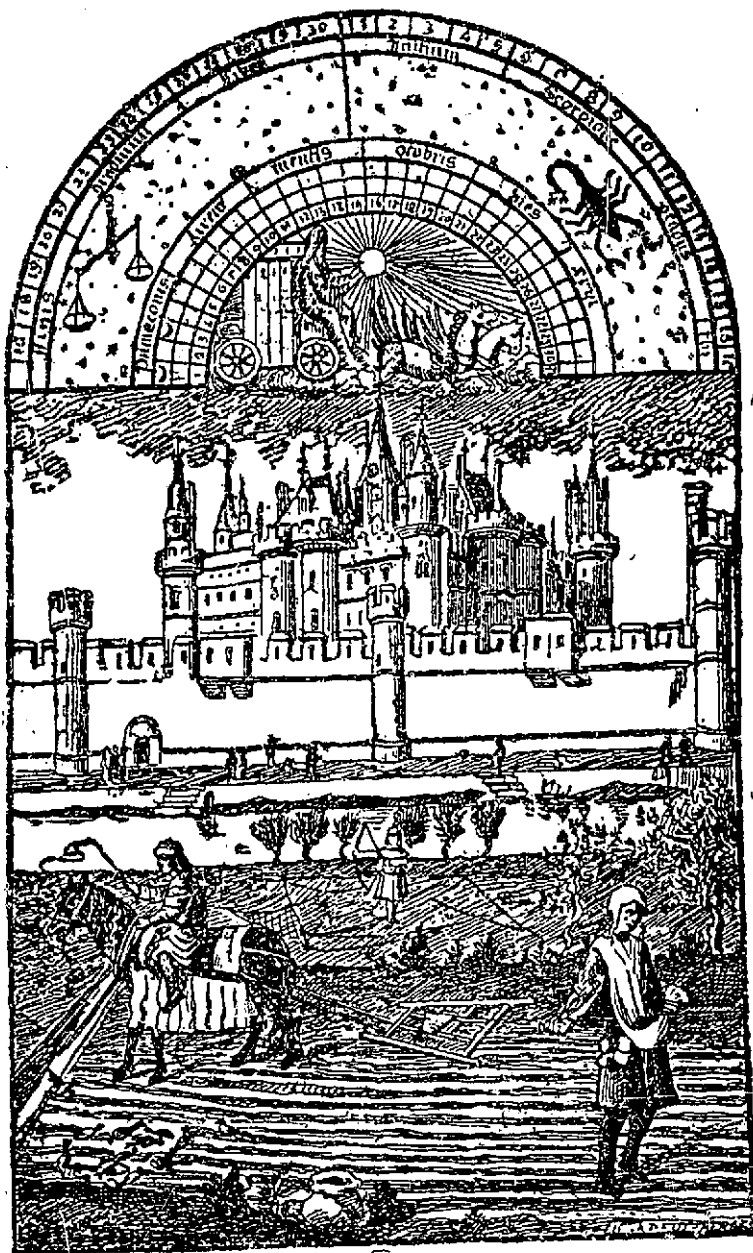

ВѢСЫ © АПРѢЛЬ © 1909.

La Balance. Avril. 1909.

Годъ изданія шестой. Sixième année.

Книгоиздательство «СКОРПИОНЪ»

Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23.
Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢЕТСЯ.

О СТРАШНОМЪ СУДѢ ГОГОЛЯ НАДЪ
МИРОМЪ И НАДЪ САМИМЪ СОБОЙ.

„Я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу“.
Прилож. къ „Ревизору“.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Гоголь позналъ глубже, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ, а, быть можетъ, и не только русскихъ, писателей всю обманчивую радость, всю безграничную силу, всю смертельную отраву и самоубійственную горечь смѣха; въ „Авторской исповѣди“ мы находимъ признаніе, что еще въ дѣтствѣ и юности на него находили „припадки насмѣшничества“ надъ всѣми окружающими его; вотъ почему въ самыхъ первыхъ своихъ твореніяхъ, когда, по его словамъ, заставляла творить „потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами“, которая „окончилась съ молодыми годами“, даже въ этихъ „беззаботныхъ сценахъ“ прорывается нѣчто ужасное, что-то стихійно-смѣшное, что-то демоническое въ самыхъ живописныхъ и даже какъ бы идиллическихъ мѣстахъ. Тогда уже Гоголь полусознательно, но разительно-мѣтко нащупываетъ смѣшное и тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ для всякаго другого.

У кого другого вызоветъ гримасу-улыбку то простое и вмѣстѣ съ тѣмъ углубляющее природу явленіе, которое представляетъ собой законъ отраженія вещей въ водной глади? Развѣ не сдѣлалось это общимъ мѣстомъ всѣхъ романтическихъ и риторическихъ выраженій? Развѣ проникновенная красота всѣхъ символовъ не въ ихъ преломляющей и отражающей силѣ? Но 18-лѣтній юноша Гоголь, самъ полу-романтикъ, полу-риторъ, въ первыхъ же строкахъ своей лирической поэмы-идилліи („Ганцъ Кюхельгартенъ“) бессознательно улавливаетъ гримасу въ ликѣ утренней природы, въ ея отраженіяхъ:

Плѣнительно оборотилось всё
Внизъ головой въ серебряной водѣ,

и сразу разрушается вся идиллическая невозмутимость утра... Всюду мерещится гримаса юношѣ-поэту и, что всего страшнѣе и характернѣе для него,—въ излучинахъ и кривизнахъ ея онъ, съ одному ему свойственной способностью, сразу угадываетъ своеобразную завлекательность и яркую, живописную прелесть; словно кто-то шепнулъ ему, что самое существенное въ природѣ, сердцѣ и ликѣ человѣческомъ смѣхъ, самое подлинное и настоящее — гримаса, а все остальное только одна видимость, только ложь, и потому-то и были до самой его смерти, ужасающей и въ то же

ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ СМѢЕТСЯ.

85

время роковымъ образомъ во многомъ смѣшной, самымъ любимымъ изреченіемъ его слова апостола Павла: „весь человѣкъ есть ложь...“

И странно поражаетъ глазъ и ухо всякаго, не угадавшего истинную сущность и основной уголь зрѣнія, подъ которымъ всегда наблюдалъ Гоголь вселенную, одинаково оба міра ея, и внѣшній, видимый, и внутренній, незримый, странное, небывалое сочетаніе даже въ первыхъ, еще по-народному свѣжихъ и почти романтически прекрасныхъ картинахъ Гоголя, еще бывшаго въ тѣ счастливые годы не безпощаднымъ демономъ смѣха, а комично-потѣшнымъ балагуромъ, Рудымъ Панько, простымъ пасичникомъ,—странное сочетаніе самаго реального, бытового, обыденнаго, съ самымъ фантастическимъ, сказочно-причудливымъ; и тогда уже его поэтическіе сны и его жизненная явь не знали переходовъ и какъ-то слишкомъ ярко ослѣпляли, слишкомъ безграмотно завораживали и пробуждали, восхищая—ранили, надрывая—очаровывали... Все находишь въ этихъ майскихъ видѣніяхъ, въ этихъ сказкахъ старины какъ бы два одновременно объясненія, и не знаешь, вѣрить ли самъ Рудый Панько въ правду своихъ словъ; не повѣрилъ ты, и стыдно тебѣ, что груба душа твоя къ напѣвамъ старины, къ безцѣнному блеску сокровенныхъ кладовъ народной души; повѣрилъ... глядь, а самъ Рудый Панько кому-то подмигиваетъ на тебя и только посмѣивается надъ тобой же, ужъ не хватилъ ли ты, дескать, черезчуръ горилки... Чудныя вещи творятся въ Сорочинцахъ, на ярмаркѣ, инда волосы шевелятся на лбу, а, глядь-поглядь, изъ пестроты сказочныхъ маврѣвъ выглядываетъ на тебя наглая харя цыгана, который и завель, какъ по-писанному всю чертовщину единственно потому, что захотѣлъ купить за пятнадцать цѣлковыхъ воловъ на ярмаркѣ... Вѣрь, коли можется, и тому, что „города Гадячъ и Миргородъ—два знаменитыхъ города Полтавской губерніи“, что червонцы, вырытые изъ-подъ земли,—подлинныя червонцы, а не просто глиняные черепки, что нѣжная, мечтательно-задумчивая и чернобровая Ганна не окажется въ свое время самой заурядной сварливой бабой, про которыхъ недаромъ же было сказано: „и такъ много всякой дряни на свѣтѣ, а Ты, Боже, еще и жинокъ наплодилъ“; а романтической трубадуръ, Левко, не превратится ли въ свой чередъ въ завсегдатая кабака, въ какого-нибудь кума, съ которымъ возможенъ одинъ лишь ладъ, за чуприну... Прекрасны ночи Украйны, и луна, и звѣзды, и тополи ся, но вотъ одно горе... въ водахъ ея плещутся злыя русалки, луна того и гляди попадетъ въ карманъ къ черту, а по дорогамъ ея бродятъ колдуны и вурдалаки...

И позднѣе, много позднѣе, когда наивныя созданія первыхъ „беззаботныхъ сценъ“, умножаясь, плодя другъ друга по законамъ художественнаго родства и преемства, углубляясь и совершенству-

ясь бесконечно, превратились въ цѣлый, несмѣтный по числу, грандіозный по замыслу, совершенный по мастерству художественнаго изображенія міръ, въ цѣлый законченный и неподражаемый музей, какъ бы мы не сгорали чувствомъ преклоненія передъ гениемъ великаго мастера, передъ творческой мощью одного человѣка, вызвавшего ихъ къ жизни, мы не найдемъ среди всѣхъ этихъ маленькихъ чудовищъ, все равно—одѣты ли они въ запорожскія шаровары или департаментскіе вицъ-мундиры,—среди всей этой неподражаемой коллекции живыхъ, а не заводныхъ, какъ у Гофмана, уродцевъ и человѣчковъ, среди этого забавнаго цирка, арена котораго—весь міръ, этого потѣшнаго звѣринца, говорящаго на всѣхъ языкахъ, и въ то же время (хотѣлось бы сказать мнѣ) больницы, куда принимаютъ лишь неизлѣчимо-больныхъ,—мы не найдемъ, повторяю я, ни одного образа вовсе не смѣшнаго. Не смѣхъ ли вызвалъ всѣхъ ихъ къ бытію? Пусть среди миллионовъ этихъ уродцевъ, опредѣлившихъ общее правило художественнаго бытія, общій законъ художественнаго творчества въ этомъ странномъ мірѣ, тихо встанетъ передъ нами, грустно скользнетъ немного, ахъ, какъ немного блѣдныхъ тѣней, болѣе скорбныхъ, чѣмъ потѣшныхъ; стоитъ ли называть ихъ? развѣ мы не знаемъ всѣхъ ихъ наперечетъ, ибо ихъ такъ мало, такъ мало! Но, Боже мой! какъ онѣ блѣдны, какъ онѣ мимолетны, какъ онѣ сами стыдятся своей безжизненной недовѣршенности, какъ онѣ робко сами спѣшатъ скрыться въ пестрой и яркой до боли толпѣ забавныхъ уродцевъ, какъ смѣшны, да, смѣшны, ихъ случайность, ихъ одиночество, ихъ молчаливость ихъ безсиліе!

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ осколокъ зеркала злого Тролли попалъ въ его глазъ, и въ картинѣ міра навсегда угасли для него всѣ блѣдные отблески Рая, и вспыхнули, и забились, переливаясь повсюду, извилистыя струйки незримаго для другихъ, вѣчнаго, неизсякаемаго и незаглушаемаго ничѣмъ смѣха, Гоголь понялъ, что самое смѣшное должно искать не въ исключительныхъ уродствахъ, не въ уклоненіяхъ и исключеніяхъ, а всегда въ общемъ законѣ; а разъ смѣшна самая сущность міра, то смѣшное неизбѣжно должно сдѣлаться нормой, масштабомъ, критеріемъ. Такъ и было съ творчествомъ Гоголя; въ этомъ разгадка дивной цѣльности и стройности его художественнаго міра, въ этомъ своеобразная гармонія и ритмъ его смѣха, ибо и смѣхъ имѣетъ свою музыку, свой ритмъ и свою гармонію; другой уже вопросъ, не есть ли это музыка и гармонія ада; другой вопросъ, можетъ ли человѣческое сердце, постоянно слушая эту музыку, не перестать биться, и выдержать ли человѣчскій мозгъ ея дьявольск. crescendo... Что бы ни говорили прежде и теперь о скрытой доброй сущности гоголевской поэзіи, о моральныхъ

задачахъ автора, о религиозно-просвѣтительной миссіи его творчества, всѣ эти слова приемлемы лишь какъ та или иная поправка къ нашему основному опредѣленію гоголевскаго творчества, какъ созерцанію въ мірѣ смѣшнаго.

Другое дѣло, что Гоголь-человѣкъ, одаренный всей сложностью человѣческой души, всегда осужденной искать утраченнаго Рая, всегда ищущій любви и восхищенія, какъ необходимой духовной пищи, не выдержалъ ужаса самимъ же имъ созданнаго міра, адской музыки черезъ него зазвучавшаго смѣха и, увидавъ лицомъ къ лицу Сатану, ощутивъ, какъ всеильна власть этого художника въ его созданіяхъ, попытался убить въ себѣ Гоголя-художника. Однако, послѣдній оказался сильнѣе перваго и, несмотря на сожженіе Гоголя-художника, погибъ отъ этого таинственнаго раздвоенія именно Гоголь-человѣкъ, а Гоголь-художникъ живетъ и смѣется до сихъ поръ, будетъ жить и смѣяться вѣчно, до часа Страшнаго Суда, когда...

Драма Гоголя именно въ томъ и только въ томъ, что цѣльное и внутреннее гармоничное его художественное творчество встало въ непримиримое противорѣчіе съ его человѣческой сущностью, съ его моральными, мистическими и религиозными запросами.

Исторія Гоголя—развитіе этого основного раздвоенія; при этомъ чѣмъ цѣльнѣе и совершеннѣе становилась его художественная личность, тѣмъ сильнѣе она давила его душу, тѣмъ сильнѣе голодала его душа безъ любви, правды и счастья человеческого. Поэтому же для Гоголя было невозможно иное художественное творчество, какъ все осмѣивающее, всѣ попытки „положительнаго“ созиданія оказались бесплодными, а когда самъ Гоголь захотѣлъ (увы!—слишкомъ поздно) больше всего молиться и преклониться предъ Красотой Неба, „сколько-нибудь пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной“, онъ вовсе пересталъ существовать, какъ художникъ, онъ утратилъ всю свою творческую мощь. Было уже поздно; не вышло ни того, ни другого! Демонъ смѣха выпилъ уже всю его душу, всѣ его силы безъ остатка; смѣхъ отдѣлился отъ его существа, сталъ существовать какъ бы самъ по себѣ, облекъ его молящійся скелетъ извилистымъ облакомъ тумана, создалъ второй ликъ и образъ его, нарисовалъ его собственный чудовищный, странно-живой портретъ, въ одно и то же время похожій на него и вовсе непохожій; въ этотъ портретъ перелилась его душа и его жизнь такъ же, какъ бессознательно, не противъ воли, слѣпой силой художества перенесъ живописецъ жизнь и душу ростовщика въ созданный имъ портретъ.

Вѣще звучать предсмертныя слова Петромихали: „Нарисуй съ меня портретъ... послѣ смерти я долженъ итти къ тому, къ ко-

тому бы я не хотѣлъ итти; тамъ я долженъ вытерпѣть муки, о какихъ тебѣ и во снѣ не слышалось!..“

Гоголь самъ узналъ, что значить „вытерпѣть муки, о которыхъ и во снѣ не слышалось“. „Соотечественники, страшно! Все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мѣрѣ!“ таковы были послѣднія слова его! Таинственная, мученическая, исполненная нечеловѣческихъ пытокъ и все же во многомъ комичная смерть его, „тоска, которой (по его словамъ) нѣтъ описанія“, мучившая его за послѣдніе годы, странное видѣніе, постигшее его незадолго до смерти, когда онъ видѣлъ самъ себя мертвымъ и искаженнымъ, великая вѣчная тайна о томъ, что унесъ съ собою въ другой мѣръ этотъ великій художникъ, этотъ отдавшій свое перо и свою душу Демону смѣха преступникъ, этотъ великій праведникъ и святой подвижникъ, искупившій всѣ свои „грѣшныя насмѣшки надъ людьми“, загадочныя предсмертныя записочки Гоголя, найденныя послѣ его смерти—все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что Гоголь пережилъ величайшій ужасъ, какой только возможенъ на землѣ, испилъ до дна самую отравленную чашу, извѣдалъ раздвоеніе творческаго духа и человѣческой души, подошелъ къ глубочайшей проблемѣ противорѣчія человѣческаго и сверхъ-человѣческаго сознанія, ибо такой художникъ, какимъ былъ онъ,—уже не человекъ, ибо тѣ запросы и та жажда совершенства, которая сожгла его послѣдніе дни, была жаждой совершенства чисто-человѣческаго, желаніемъ стать „малымъ“, да войти въ Царство Божіе.

Художникъ-Гоголь отдалъ душу Дьяволу, человекъ-Гоголь жаждалъ искупить великій грѣхъ Гоголя-художника. Совершилось ли это искупленіе? Кто можетъ дать отвѣтъ на это?!

Мы не знаемъ, что услышитъ Гоголь въ часъ Страшнаго Суда, но мы знаемъ, что все, написанное имъ,—Страшный Судъ произнесенный надо всѣмъ міромъ и надъ собой самимъ. Смѣшное—это единственное приемлемое въ уродствѣ; однако, за извѣстной границей смѣхъ неизбежно становится циничнымъ, дѣлается своеобразной радостью безобразнаго, приводитъ въ странную, интимную связь смѣшное съ тѣмъ, кто смѣется. Такъ и было съ Гоголемъ. Смѣялся Гоголь—и все становится смѣшнымъ, и все смѣялось: и задорно-закрученный усъ, и деревья, кверху ногами опрокинутыя въ водѣ, и извивы дороги, и скрипъ дерева въ лѣсу, похожій на чей-то смѣхъ, и скрипъ несмазанной двери, и звонъ червонцевъ въ чудесномъ кладѣ, и всѣ вещи вдругъ картинно и нелѣпо мѣняли свои очертанія: печная труба становилась ректоромъ, чиновникъ—фаготомъ, а чортъ—чиновникомъ...

Однако, всего ужаснѣе въ смѣхѣ то, что прервать смѣхъ становится труднѣе, чѣмъ начать; иногда же, расхохотавшись, уже

невозможно вовсе перестать смѣяться. И это испыталъ Гоголь! Начиная съ тонкой, чуть видной улыбки, переходя въ веселую, легкую гримасу, смѣхъ незамѣтно становится стихіей, становится хохотомъ, гримасой, искажающей лики всѣхъ вещей. Каждый ликъ вдругъ подергивается арабесками, излучинами и кривизнами смѣха, становится нелѣпой безликостью, разбивается, подобно чистому и цѣльному стеклу, въ которое попалъ мѣткій камень и которое вдругъ искажается, разбѣгаясь, распадаясь звенящими осколками и изломами. Много ликовъ сумѣлъ раздробить Гоголь мѣткостью своего смѣха, несравненной удачливостью своихъ сравненій, уподобленій и словечекъ. Есть граница за которой всякій смѣхъ становится самоосмѣяніемъ, самоотрицаніемъ. Было это и съ Гоголемъ, этимъ злымъ гениемъ смѣха, исчерпавшимъ всю гамму смѣшного. И самъ Гоголь много разъ безпомощно кричалъ объ этомъ: „Никто изъ читателей моихъ не зналъ того, что, смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мной!“

Часто Гоголь былъ похожъ на Гу и н п л е н а, на того „l'homme, qui rit“, который становился тѣмъ смѣшнѣе, чѣмъ больше серьезнаго трагизма скоплялось въ глубинѣ его души, чѣмъ сильнѣе желалъ онъ выразить людямъ свое сокровенное, грустное, горькое, чисто человѣческое. Тогда жесты и гримасы его вовсе не гармонировали съ его душевными движеніями, и это доводило комизмъ положенія до апогея. Всего болѣе подходит къ Гоголю это названіе: „человѣкъ, который смѣется“, всегда смѣется, надъ всѣмъ смѣется, смѣется даже и тогда, когда не въ моготу смѣяться!

Ахъ, не лучше ли было, если-бъ и въ сердце попалъ холодный осколокъ; не было бы тогда страшнаго раздвоенія, тоски и безумія, не было бы тогда сразу двухъ Гоголей въ одномъ живомъ существѣ. Не было бы и того „пугающаго отсутствія свѣта“ въ его великихъ произведеніяхъ; холодными, алмазными вершинами замерзли бы его „невидимыя міру слезы“ и погребальными сталактитами стройно повисли бы его безрадостныя грезы, успокоенныя тишиной безмірнаго забвенія и торжественной тишиной прекрасной смерти: Тогда онъ повѣрилъ бы въ прекрасныя, блѣдныя тѣни и въ чары отрѣшенной красоты, въ холодное дыханіе безтѣлесной мечты... Но живое, горячее и тоскующее невыразимо о всемъ „человѣческомъ, слишкомъ человѣческомъ“ сердце Гоголя не давало ему возможности погрузиться въ мертвое созерцаніе тѣней, удалиться на снѣговья, вѣчныя высоты; оно снова и снова влекло его на рынокъ, на всѣ ярмарки жизни, во всѣ переулки и закоулки, чтобы снова и снова вспыхнуло надъ нимъ острое, раздвоенное огненное жало его невыразимаго смѣха... и чтобы снова безумно затосковала душа о совершенномъ, о „Красотѣ Небесной“, о божественномъ Словѣ.

Чѣмъ больше чувствовалъ Гоголь неспособность свою создавать идеальные образы, тѣмъ больше мечталъ онъ о нихъ, тѣмъ горячѣе росло въ немъ желаніе указать родинѣ, человѣчеству, всему міру сдвинуть, истинный, великій путь къ совершенству; пламя пророческихъ озареній, великій восторгъ мессіонизма охватывалъ душу Гоголя и испещрялъ ее; а жесты и языкъ его стремились къ преле, къ мастерству художественнаго выраженія, къ совершенному творческому „какъ“, къ изощренію формы; онъ все болѣе и болѣе достигалъ совершенства исключительно въ области имъ же созданнаго стиля, сущность котораго попрежнему сводилась къ во сп ро и з в е д е н і ю ч е л о в ѣ ч е с к о й п о ш л о с т и; много обѣтовъ прошепталъ онъ самъ себѣ, много клятвъ, приступивъ къ иному, прекрасному и высокому творчеству, далъ онъ. „Инымъ ключемъ грозная выюга вдохновенія подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почувтъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей!“—вотъ страшный обѣтъ, данный имъ человѣчеству и Творцу, изъ рукъ Котораго получилъ онъ свой великій даръ. Но „другія рѣчи“ не выливались изъ его души, не умѣлъ онъ облечь ихъ въ высокіе, художественные образы; жили и трепетали всѣ его завѣтныя, высокія, пророческія мысли сами по себѣ, а художественное мастерство его, созданное имъ съ помощью Дьявола и завершенное въ магическій, цѣльный кругъ совѣмъ для другихъ цѣлей, продолжало развиваться и совершенствоваться отдѣльно. Тогда Гоголь проклиналъ свое художественное творчество и бросилъ въ огонь то, что было куплено имъ, подобно кладу его сказокъ, цѣною человѣческой жизни, жертвенной, неповинной крови.

И Б а с а в р ю к а и И в а с я соединяла въ себѣ странная душа Гоголя! Все показалось ему суетой суетъ, и его душу окутала тоска такая, что „повѣситься или утопиться ему казалось похотимъ на лѣкарство или облегченіе“... И обожаемый съ дѣтскихъ лѣтъ театръ, и всѣ его живые образы, и всѣ будущіе планы показались ему „суетой“ и въ строгомъ, прямодушномъ и ужасно-цѣльномъ отцѣ Матвѣѣ вдругъ увидѣлъ Гоголь воплощенными тѣ глубоко-затаенныя мысли свои, которыя не могъ выразить.

Эти таинственные переживанія Гоголя передъ смертью такъ глубоко и проникновенно угаданы и изображены Д. Мерсжковскимъ, что мы не будемъ касаться ихъ подробно, и лишь спросимъ себя, гдѣ же основная причина ихъ, не могло ли бы быть иначе?

„Я прежде смѣшилъ васъ, а теперь я плачу!“—восклицаетъ комическій актеръ въ его Приложеніи къ „Ревизору“. Эти слова должны быть написаны, какъ эпитафія всей его жизни и творчества.

Самъ Гоголь вскрылъ съ несравненнымъ чистосердечіемъ свои раны, самъ онъ понял и обличилъ себя. Прямо и безбоязненно за-

явилъ онъ во всеуслышаніе, что не можетъ жить и творить, находя награду и оправданіе въ одномъ творческомъ „какъ“, не сознавая цѣли и высокихъ моральныхъ задачъ своего творчества. Объ этомъ преимущественно говоритъ и его „Переписка“ и особенно „Авторская исповѣдь“. Мучительно ищетъ онъ вторую половину великаго художественнаго дву-единства, то высокое, значительное „что“, которое вдохновило бы его на „иныя рѣчи“ и опредѣлило бы другой методъ и другую форму его творческаго служенія. Онъ слишкомъ ужаснулся закишѣвшему вокругъ него хаосу, слишкомъ чутко почувствовалъ слитность свою съ нимъ, свое художественное сродство со всѣмъ безграничнымъ безобразіемъ созданнаго имъ міроваго театра маріонетокъ.

Долго вѣрилъ онъ химерѣ, которой почти всѣ вѣрятъ и теперь, будто неочайшая, божественная красота досягасма обратнымъ путемъ,—черезъ углубленіе въ ея противоположности, черезъ пластику, живопись и музыку пошлости! Долго вѣрилъ онъ... да вдругъ и понял, что здѣсь что-то не совсѣмъ ладно, и горько, горько заплакалъ. „Сколько-нибудь пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной“—вотъ новая завѣтная мечта его. Свой будущій трудъ онъ называетъ не иначе, какъ „мой святой трудъ“; въ „Исповѣди“ онъ наивно, но трогательно заявляетъ: „Я ждалъ отвѣтовъ, которые будутъ прямо отъ Бога“... Усомнился онъ въ окольныхъ, проселочныхъ путяхъ исканія „Небесной Красоты“, а жить безъ Нея и творить безъ Ея святого благословенія онъ уже болѣе не хотѣлъ. Подобно Черткову, увидавшему небесное, ангельское видѣніе, воплощенное на картинѣ молодого художника, онъ вдругъ почувствовалъ, что не одинаковы, не равноправны и не однозначущи всѣ безконечно-различныя ступени Единаго Прекраснаго; понял онъ, что одинъ только ликъ у Совершеннаго и что достиженіе и лицезрѣніе Его возможно лишь тому, кто отрекся отъ всего другого, и весь безраздѣльно ушелъ въ созерцаніе вѣчной, Небесной Красоты. Однимъ словомъ, еще въ своемъ „Портретѣ“ выразилъ эту идею „обѣта строгости рыцарской“ передъ Прекраснымъ, когда сказалъ о непорочномъ видѣніи Божественной Красоты: „Вся картина была—мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая—есть одно приготвленіе“.

Но могъ ли онъ самъ сказать про свою жизнь, что она—приготовленіе къ лицезрѣнію Божественной и Непорочной Невѣсты, Красоты Небесной?.. О, конечно, нѣтъ!

Среди беззаботно-мелочныхъ, поплыхъ и обыденно-скучныхъ явленій являлась Она ему на мигъ, какъ легкой, мгновенный призракъ, такъ обликъ милой и нѣжной дѣвушки въ окнѣ кареты: мелькнулъ только одинъ разъ Чичикову и исчезъ безслѣдно, едва

успѣли перепрячь лошадей... и потянулись опять ему навстрѣчу полосатые вереты, станціонные смотрители, безконечныя грустныя дали и до боли знакомые, ничтожныя, ненужныя призраки! А въ концѣ жизни стало являться ему несказанное Небесное, лишь какъ обличеніе всей его жизни, лишь какъ страшная кара, какъ судъ Божій. Такъ и въ его „Портретъ“ является непорочное, совершенное, женственно видѣніе, лишь для того, чтобы смутить и погубить духъ Черткова. Всю жизнь грызъ его червь неудовлетворенности и рано пробудилась въ немъ жажда высокаго и прекраснаго; и не разставался онъ съ „Божественной комедіей“ Данте, трогательно и горько созерцая въ ея строфахъ то совершенство, славословить которое не было никогда у него ни силъ, ни вдохновенія; и влекся его больной, гибнущій духъ педъ небо „красавицы“ Италія, его второй родины, какъ бы говорящей всего явственнѣе о исконной, небесной родинѣ каждаго, озареннаго даромъ творческимъ духа...

Во всемъ творествѣ Гоголя былъ своеобразный дефектъ, своего рода дальтонизмъ художественнаго зрѣнія. При изумительной мѣткости, изобразительности, точности, смѣлости и утонченности его стили и языка у него вовсе нѣтъ чувства возвышеннаго, критерія благородства стили, того влеченія къ *style beau*, которое отмѣчаетъ поэтовъ, побѣдившихъ всякій реализмъ, отвергнувшихъ окончательно всякій бытъ, эту норму проявленной пошлости міра. Уже въ его какъ бы „романтическихъ“ картинахъ природы (въ первомъ періодѣ) чувствуется, насколько фонъ прекраснѣе перваго плана, обстановка романтичнѣе главныхъ „героевъ“. Слишкомъ притягивало и въ то же время отталкивало его все реальное и бытовое! Цѣлый рядъ странностей и дисгармоничностей разсѣянъ въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ его описанія. „Лукавая женственность“, молодая мечтательная любовь, милые облики дѣвушекъ странно дисгармонируютъ съ вульгарнымъ характеромъ ихъ бытовыхъ и грубо-реальныхъ именъ, Пидарка, Хвеська, Параска, отъ которыхъ рукой подать до безобразной Ховры или карикатурной Солохи; лучшій же по изображенію женскій типъ у Гоголя—типъ „сварливой жинки“, грубой отвратительной бабы, о женственности которой не можетъ быть и рѣчи. Прекрасныя женскіе облики неизмѣнно принадлежатъ у Гоголя колдуньямъ, русалкамъ, мертвцамъ или женщинамъ недобрымъ, вносящимъ собой зло и разрушеніе, словомъ—соблазнительницамъ.

Изящныя аристократки—его пусты, фальшивы и внѣшни.

Не найдемъ мы у Гоголя ни преклоненія передъ самымъ великимъ, что есть въ душѣ человѣческой,—передъ высокимъ и чистымъ обожаніемъ женщины; не найдемъ мы у него ни строки, посвященной идеализации, хотя бы просто сочувственной памяти о дѣтствѣ,

объ этомъ потерянномъ Раѣ, объ этомъ золотомъ лучѣ, озарявшемъ всѣ разочарованныя и безнадежно усталыя, больныя души. Больше постигалъ онъ трагическую глубину материнства, но и женщина-мать у него прекрасна лишь тогда, когда убивается она, тоскуя о судьбѣ своихъ „сыновъ“...

Страшно дѣлается, когда, исходя изъ этихъ наблюдений, попытаешься глубже заглянуть въ душу этого загадочнаго, страшнаго, чудовишно-страшнаго чародѣя. Не всегда ли спасеніе нисходило къ людямъ, не всегда ли иной миръ убаюкивалъ мятежныя души, не всегда ли вѣнецъ искупленія озарялъ геніевъ-отрицателей, излучаясь съ этихъ двухъ, только двухъ небесъ,—божественной женственности и непорочнаго, безпечальнаго дѣтства? А вотъ о нихъ-то и молчалъ равнодушно и таинственно Гоголь!.. И страшная кара сгущалась надъ этимъ его молчаніемъ во все время его жизни. Невольно хочется воскликнуть: гдѣ высокіе образы, гдѣ до конца прекрасныя звуки въ творествѣ того генія, который такъ много, и такъ горячо, и такъ проникновенно говорилъ о божественной миссіи писателя, о его страшной отвѣтственности передъ Самимъ Творцомъ, о „святомъ трудѣ“ писательства? Почему не-художественнымъ языкомъ говорилъ онъ о Небѣ и о „Красотѣ Небесной“, а художественно воспроизводилъ только обратное, земное или дьявольское? Гдѣ хоть одинъ идеальный, надъ землею парящій, образъ? гдѣ цѣльность прекраснаго стили, если „красавицы“ его „съ лилейными плечами“, съ „мраморной шеей“ „лушаютъ подсолнухи“, если его „щеголеватые парубки“ сверкаютъ „огненными очами“, а любовный пѣвецъ съ „огненными очами“ вдругъ оказывается... „Голопупенковъ емъ“? И не рыцари живутъ, любятъ и умираютъ у него, а „лыцари“, и „огненные щеки“ и ланиты у него приурочены къ сварливымъ бабшамъ. то и дѣло желающимъ, „чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ“, „чтобъ твоего батьку горшкомъ въ голову!“ а бранности эти именуется „мятежными рѣчами“; не странно ли, что „шумъ, брань, мычаніе, бляеніе, ревъ“ и ругательства сравниваетъ Гоголь съ „чудными звуками“ водопада?.. О чемъ же мечтаютъ его чернобровыя красавицы, его Ганны и Параски?.. О мѣдныхъ крестахъ, да оловянныхъ серьгахъ, а ихъ удовольствіе—глазѣтъ „какъ пьяный жидъ даетъ бабѣ киселя“; демоническій образъ воплощенъ имъ въ фигуру ярмарочнаго жулика-цыгана, однако, раскрашеннаго подъ лубокъ, ибо „молніи предпріятій и умысловъ“ озаряютъ его „очи“. Даже свиная морда и та „съ очами“... А надъ всѣмъ этимъ міромъ, полу-романтическимъ, полу-лубочнымъ царятъ вульгарныя до ужасовъ фигуры Хавроній Никифоровнѣ да дьяковъ Ѳомъ Григорьевичей! Такъ и ждешь, что самъ творецъ этого совершеннаго уродства, наконецъ, воскликнетъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Онъ

и воскликнулъ это. Въ этомъ трагедія его души, въ этомъ его спасеніе, первое мерцаніе искупленія, но и первое начало безумія его!..

Но развѣ для вѣщаго художника, болѣе всѣхъ близкаго къ Богу, нѣтъ другихъ міровъ, кромѣ „этого міра“? Развѣ не мыслимо творчество, растущее, какъ растетъ дерево, отъ земли, но стремящее вѣтви свои къ небу, прочь изъ „міра этого“?.. Развѣ нѣтъ иного пути для побѣды надъ Сатаной, чѣмъ сованіе „дули подъ самый его постъ“? Развѣ трудно представить себѣ иное „царствіе Божіе“, чѣмъ то, гдѣ „бѣдятся одни только буханцы пшеничныя да маковники въ меду“? Развѣ трудно представить себѣ служеніе Творцу, забывъ о человѣческихъ временныхъ условностяхъ, о чиновничествѣ и службѣ государственной?

И думается намъ, что самыя узкія врата для достиженія „царствія небеснаго“—врата смѣха; а самъ же Гоголь всю жизнь твердилъ, что не для потѣхи трудится и мучится онъ, и мало любятъ его и плохо понимаютъ его тѣ, кто согласенъ отвести ему мѣсто въ ряду разныхъ художниковъ, первое мѣсто въ ряду виртуозовъ смѣха, лукаво спрашивая,—развѣ не всѣ формы художества равноцѣнны?.. а затѣмъ примириться и успокоиться! Самъ Гоголь не полагалъ этого и искалъ единаго святаго пути къ Богу! Самъ Гоголь созналъ, что не въ смѣхѣ путь сей! Быть можетъ, онъ первый согласился бы со словами одного изъ современныхъ святыхъ отверженцевъ, что смѣхъ превращаетъ божеское въ ликъ человѣка въ звѣриное, что невозможно представить себѣ совершенно-прекрасный ликъ, искаженный гримасой смѣха, и что ангелы только улыбаются!.. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не обрѣтаются всѣ высочайшія святыни за границей смѣшного? Развѣ можно безъ ужаса представить себѣ хохочущимъ слѣпому старика Фауста, уже озареннаго зарей искупленія? Развѣ могъ смѣяться Данте восхищенный силою Рая? Развѣ смѣялись рыцари, зря свой Грааль? Развѣ смѣялся Чертковъ, видя непорочное видѣніе на холстѣ, „которое все было—одно мгновеніе, но передъ которымъ вся жизнь—одно приготовленіе“? Развѣ смѣялся самъ Гоголь въ страшные послѣдніе дни своей жизни, когда муки искупленія уже кончались, когда пробилъ послѣдній часъ великаго терзанія бѣднаго духа, носящаго въ себѣ двѣ души,—душу художника-дьявола и душу святаго древняго праведника, когда уже засверкала надъ нимъ діадема искупленія,—два золотыхъ вѣнца, вѣнецъ безсмертнаго творца и вѣнецъ святаго мученичества?